

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/tdi.2021.4.59.5

УДК 316.013 | ББК 60.54

© Ясников Н.Н.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ: КЕЙС ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯСНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: troil_shinigami@mail.ru

ORCID: [0000-0003-1845-154X](https://orcid.org/0000-0003-1845-154X); ResearcherID: [U-2140-2018](https://orcid.org/U-2140-2018)

Вопросы, связанные с социальным капиталом, в последнее время все чаще затрагиваются научным сообществом. В связи с этим актуальными становятся исследования связи социального капитала с различными областями жизни человека и общества. В представленной статье рассматривается такое явление, как гражданское участие, и его связь с социальным капиталом. На основании исследования Вологодского научного центра РАН изучается молодое население Вологодской области в возрасте до 30 лет. Проанализирована структура социального капитала молодежи Вологодской области, изучено отношение молодежи к лицам, занимающимся общественной деятельностью, а также готовность молодых людей принимать участие в подобных мероприятиях. Рассмотрен опыт участия молодежи в коллективных действиях в качестве инициатора, а также опыт оказания безвозмездной помощи людям, не входящим в число близких родственников, и отношение молодежи Вологодской области к участию в формализованных/институционализированных формах общественной и политической жизни. В результате исследования обнаружено, что гражданское участие и социальный капитал определенным образом связаны, во всех рассмотренных случаях люди с высоким уровнем социального капитала чаще проявляли гражданское участие. В конце статьи выдвигается предположение о важности формирования нового типа поведения молодых людей, при котором социальный капитал будет накапливаться целенаправленно. Это обосновано как важностью социального капитала самого по себе, так и его связью с гражданским участием, являющимся необходимым атрибутом для формирования гражданского общества.

Социальный капитал, гражданское участие, молодежь, Вологодская область.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», проект № 20-011-00326.

Введение

В современном мире участие граждан в политической и общественной жизни выступает признаком развитого социально ориентированного государства. Еще А. Токвиль в своей работе «Демократия в Америке» [1] писал о том, что те регионы, в которых население принимает активное, деятельное участие в общественной жизни, являются более передовыми и успешными с точки зрения экономического и социального развития.

В общественном сознании современных российских граждан можно проследить существование двух противоположных идей, которые условно можно охарактеризовать как «ожидание того, что государство должно улучшать жизнь человека», и «ожидание того, что люди должны улучшать жизнь в государстве». Первая идея во многом стала продуктом относительно недавнего прошлого. Память о величии Советского Союза проявляется в ожидании того, что социально ориентированное государство в частном порядке будет работать над решением конкретных социальных проблем, например увеличением реальных доходов граждан или постройкой доступного жилья. Второй образ мышления является продуктом новейшего времени, рожденным из идей капитализма. В нем упор делается на том, что государство создает пространство для деятельности граждан, которые объединяются в организации и профсоюзы и у себя «на местах» самостоятельно работают над решением наиболее существенных, с собственной точки зрения, проблем.

Вопросы изучения социального капитала поднимались множеством ученых, их затрагивали М. Вебер [2], Дж. Коулман [3], Р. Патнем [4], П. Сорокин [5] и Ф. Фукуяма [6]. Одним из первых взгляд на идею социального капитала обратил П. Бурдье, определив его как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений, взаимного знакомства и признания или, дру-

гими словами, с членством в группе» и высказав мысль о возможности конвертации социального капитала в его иные формы [7]. Особую популярность работы французского социолога получили в конце XX века, когда в свет вышли результаты исследований Дж. Коулмана, посвященные этой же проблематике. Он описывал социальный капитал как «сеть взаимосвязей, которые могут быть использованы в качестве инструментов для производства товаров и услуг». Коулман видел в социальном капитале культурный потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях [3].

Нан Лин в своих исследованиях развивает подход П. Бурдье и определяет социальный капитал как инвестиции в социальные отношения с ожидаемой доходностью на рынке, как ресурсы, встроенные в социальные структуры, доступные в целенаправленных действиях [8]. Мировой банк относит социальный капитал к тем институтам, отношениям и нормам, которые определяют качество и количество социальных взаимоотношений в обществе, это своего рода «социальный клей», служащий для удержания общества в единстве [9]. В рамках реляционного подхода социальный капитал рассматривается как возможность акторов мобилизовать свои социальные контакты для достижения ценных и значимых ресурсов [10].

Проблематика значимости социального капитала не раз рассматривалась в научном сообществе. Исследование Э. Остром показало, что общество со сравнительно более высокими запасами социального капитала лучше справляется с производством общественных благ (на примере с управлением ресурсами общего доступа) [11]. Экономическая значимость социального капитала была измерена С. Некком и Ф. Кифером [12]. Прямую связь кооперации в обществе с ростом стандартов, предъявляемых к поведению, описал Табеллини². Социологи из университета имени Бригама Янга выявили особую значимость внутрисемейного социального капитала, в сравнении со внеш-

² Nannicini T., Stella A., Tabellini G., Troiano U. Social Capital and Political Accountability. CEPR Discussion Papers. 2010, no. 7782. URL: http://www.tommasonannicini.eu/media/works/files/accountability_AEJ_FINAL_july2012.pdf

ними факторами, в формировании поведения подростков [13]. Усилиями Dorte H. Jensen и Jolanda Jetten было изучено влияние создаваемого в процессе обучения в университете социального капитала на развитие идентичности [14].

Отечественные исследователи также изучали проблему социального капитала. О.А. Игумнов [15] предпринял исследование эффектов социального капитала в российских организациях. Социальный капитал на рынке труда изучала Е.А. Полищук [16]. Влияние социального капитала на социальные проблемы рассматривали А.С. Селина и Г.А. Чеджемов [17]. Изучению гражданского участия как экстерналии социального капитала посвящена статья Т.А. Гужавиной [18].

Сами вопросы гражданского участия неоднократно поднимались в отечественном научном сообществе. Гражданское участие часто рассматривается с точки зрения взаимодействия группы или сообщества с государством [19]. Ю.В. Уханова называет его одним из ключевых направлений для решения внутренних проблем страны и ее регионов [20]. Также гражданское участие названо необходимым элементом демократического строя современного государства [21]. Мы придерживаемся понимания гражданского участия как процесса, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения общественно значимых задач [22].

О важности изучения гражданского участия молодежи в политической жизни страны неоднократно говорила ведущий российский исследователь молодежи, руководитель центра социологии молодежи доктор социологических наук Ю.А. Зубок. По данным ее исследований, именно социально активная молодежь наиболее часто проявляет гражданское участие, молодые люди становятся непосредственными участниками выборов, протестных акций, выступлений в поддержку власти и в целом действующими субъектами общественной и политической жизни [23]. Одной из главных причин падения

уровня гражданского участия, в т. ч. в политической жизни страны, Ю.А. Зубок называет падение уровня доверия в целом и к политическим институтам в частности [24]. В своих работах она неоднократно упоминает о том, что установки на солидарность, доверие и эмпатия (ключевые составляющие социального капитала) напрямую связаны с социальной активностью молодежи [25]. С нашей точки зрения, все это в сумме позволяет говорить о крайне высокой актуальности изучения социального капитала в целом и доверия в частности как основного его элемента.

Актуальность исследования взаимосвязи гражданского участия и социального капитала особенно высока, если учесть тот факт, что Россия – одна из стран, где наблюдается падение явки молодежи в ходе национальных выборов. Мы можем предположить, что использование социального капитала для разрешения проблемы гражданского участия является актуальным и перспективным направлением научного исследования.

В первой половине XX века сформировались теоретико-методологические основы классических теорий о молодежи. Изучив и систематизировав их в начале XXI века, профессор В.А. Луков выделил три принципиально различающихся подхода к определению сущности молодежи: социально-психологический, субкультурный и стратификационный [26, с. 19]. В своей работе мы отталкиваемся от понятия, предложенного В.Т. Лисовским в рамках стратификационного подхода: «Молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [27].

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности подтвердить или опровергнуть гипотезу о связи такой важной части жизни молодежи, как гражданское участие, с уровнем накопленного социального капитала. Методологическая

значимость заключена в апробации применения методики для выявления социального капитала в отношении изучения интенсивности гражданского участия молодежи. Практическая значимость состоит в выявлении реального уровня готовности молодежи Вологодской области к реализации практик гражданского участия, что может быть использовано при составлении планов по развитию региона, включающих в себя взаимодействие с молодежью.

Методика исследования

Эмпирическое исследование осуществлено на основе данных социологического исследования «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне». Объем выборки составил 1900 человек. Выборка многоступенчатая, районированная с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени, ошибка составляет не более 3%. Первая ступень – территориальное районирование субъектов по уровню социально-экономического развития. Выделены крупные города: Вологда, являющаяся административным центром области, Череповец – крупный промышленный центр Северо-Западного региона. Районы области разделены на пять групп по уровню социально-экономического развития, из каждой выбраны районы для проведения опроса. В каждой группе не менее двух районов. Группа с высоким уровнем развития – Шекснинский, Грязовецкий и Сокольский районы, группа с уровнем выше среднего – Великоустюгский и Чагодощенский, группа со средним уровнем – Белозерский и Междуреченский, группа с уровнем ниже среднего – Кирилловский, Устюженский и Бабаевский, группа с низким уровнем – Вожегодский и Никольский районы. Вторая ступень – отбор респондентов по половозрастным квотам. Опрашивались жители области старше 18 лет. Способ отбора респондентов – многоступенчатый квотный отбор, котируемые признаки – пол, возраст. Общее число вопросов в анкете – 62.

В ходе анализа данных применялась индикаторная модель измерения социального капитала, которая позволила рассчитать его

индекс для каждого респондента. В индекс вошло более 40 показателей, разделенных по трем основным категориям, которые условно можно обозначить как «доверие», «сети» и «ценности». В категорию «доверие» вошли индикаторы, направленные на измерение межличностного доверия респондентов, а также их доверия политическим и общественным институтам и профессиональным группам. Категория «сети» включает индикаторы, направленные на измерение уровня межличностных связей респондента и его связей с общественными организациями и ассоциациями. В последнюю категорию, условно обозначенную «ценности», вошли индикаторы, направленные на выявление локуса ответственности респондентов, их уровня солидарности, готовности к объединению и самооценке возможностей оказать влияние на положение дел на разных уровнях жизни (от уровня своей семьи до странового). Это позволило выделить группы носителей социального капитала в зависимости от уровня его накопления. Респонденты с самым низким уровнем социального капитала (УСК), которые при ответе на вопросы в основном выбирали позицию «не доверяю» / «не участвовал» / «никак не могу повлиять» и т. п., вошли в первую группу, обозначенную как обладатели минимального социального капитала. Во второй группе оказались респонденты с более высоким индексом – обладатели социального капитала низкого уровня. В их ответах также преобладали позиции «не доверяю» / «не участвовал» / «никак не могу повлиять», но появлялись и позитивные варианты выбора альтернатив, что служит свидетельством несколько иной их позиции в социуме. В третью группу вошли респонденты с социальным капиталом среднего уровня. Здесь уже наблюдается достаточно большая доля позитивных выборов, что позволяет при расчетах индикатора получить более высокие значения индекса. В четвертую группу отошли носители относительно высокого уровня социального капитала, демонстрирующие значительный позитивный настрой в плане доверия, готовности к объединению или включению в

общественную жизнь. Большинству из них присущ внутренний локус контроля. Наконец, респонденты с социальным капиталом высокого уровня были определены в пятую группу. Эта категория немногочисленна, ее представители реально участвуют в общественной жизни, имеют широкий круг контактов, готовы использовать имеющиеся ресурсы для достижения общественно значимых целей.

Индикаторная модель и методика измерения социального капитала были разработаны научным коллективом, реализовавшим грант РФФИ «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» [28, с. 110–134].

Анализ результатов

В первую очередь, изучая гражданское участие молодежи Вологодской области, мы обратили внимание на отношение молодых людей к лицам, занимающимся общественной деятельностью в широком смысле. Как оказалось, единого мнения об их нужности для общества в среде молодых людей не существует. Чуть больше половины опрошенных заявили, что подобные люди определенно нужны обществу, еще треть затруднилась ответить на поставленный вопрос. Однако при этом $\frac{3}{4}$ опрошенных граждан сообщили, что в зависимости от обстоятельств они сами могли бы стать такими «общественниками», а более половины отметили, что за прошедший год так или иначе становились инициаторами каких-либо коллективных действий.

Отношение к институционализированным формам объединения и взаимодействия у молодых людей существенно отличается. Заметное участие они принимают прежде всего в выборах, популярна и форма коллективных мероприятий по благоустройству территорий (субботники). Прочие варианты, предложенные на выбор (а именно: участие в избирательной кампании; работа домового комитета, совета дома; работа родительского комитета (в школе, детском саду); сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся; деятельность общественных организаций; волонтерская работа; подписание обращений, петиций в органы власти; ми-

тинги, демонстрации, пикеты; общественные слушания, общественный контроль; обсуждение общественно значимых проблем в интернет-среде; членство в политической партии; членство в профсоюзе) были выбраны менее чем $\frac{1}{5}$ долей респондентов.

Получив представление о гражданском участии молодежи Вологодской области, мы решили изучить его связь с социальным капиталом. Таким образом, гипотезой нашего исследования становится предположение о том, что между социальным капиталом, как продуктом синергетического слияния включенности, доверия и социальной ответственности населения [29, с. 49–50], и гражданским участием, как видом деятельности, связанным с перечисленными элементами социального капитала, должна существовать прямая связь. В качестве индикаторов гражданского участия в исследовании используется отношение респондентов к общественной деятельности, готовность становиться инициатором коллективных действий, направленных на решение проблем и/или реализацию проектов и инициатив, участие в институционализированных формах общественной деятельности и готовность к безвозмездной помощи людям, не входящим в число ближайших родственников.

Для этого мы в первую очередь оценили структуру социального капитала в рассматриваемой группе населения (рис. 1). У молодежи обнаружился достаточно высокий уровень социального капитала (УСК). Лишь около 2% из них являются обладателями минимального уровня, т. е. не могут никому доверять (ни людям, ни институтам), не могут никуда обратиться за помощью, не готовы объединяться с другими людьми и не считают себя способными повлиять на свою собственную жизнь в значимых масштабах. Самой многочисленной группой респондентов оказались обладатели социального капитала среднего уровня (42%). Почти треть опрошенных продемонстрировали обладание социальным капиталом высокого и относительно высокого уровня, что говорит о высокой готовности молодежи к объединению, уверенности в возможности оказать

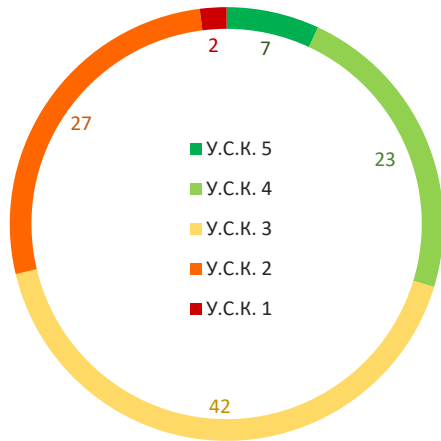

Рис. 1. Структура социального капитала населения Вологодской области по уровням, 2019 год, % от числа ответивших в возрасте до 30 лет

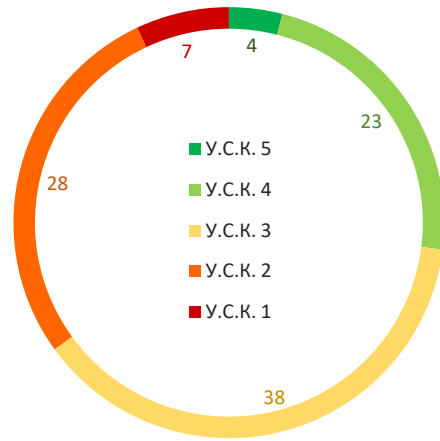

Рис. 2. Структура социального капитала населения Вологодской области, по уровням, 2019 год, % от числа ответивших

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, нужны ли люди, которых называют общественниками, которые пытаются как-то организовать других людей, решить какие-то общие проблемы, собирают подписи, собрания?», в зависимости от уровня социального капитала, до 30 лет, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Да	13	45	53	57	52
Нет	50	19	14	12	30
Затрудняюсь ответить	38	36	33	31	17

влияние на свою жизнь и положительном опыте в вопросе межличностного и институционального доверия. Отметим также, что уровень накопленного социального капитала у молодежи выше, чем в среднем по области (рис. 2).

Если вернуться к вопросу о необходимости «общественников» с точки зрения молодых людей, то, рассматривая ответы респондентов в зависимости от уровня социального капитала, мы обнаружили прямую связь между ними (табл. 1). С возрастанием уровня социального капитала увеличивается доля положительно отвечающих на этот вопрос и снижается доля считающих иначе или не имеющих сформированного мнения по данному вопросу.

Аналогичная картина наблюдается и в сфере готовности молодых людей становиться общественниками самостоятельно (табл. 2). С ростом уровня социального капитала снижается доля респондентов, не го-

товых становиться общественниками, с почти 2/3 (в группе с минимальным уровнем) до 1/7 (в группе с максимальным).

Столь же показательна ситуация с инициированием респондентами коллективных действий за прошедший год (табл. 3). Независимо от причин (будь то решение конкретной частной проблемы или реализация некоего проекта) и направленности (на себя или на других) деятельности, респонденты с более высоким уровнем социального капитала всегда проявляют большую активность. Особенно примечательны ответы обладателей минимального уровня социального капитала. Среди них никто не выбрал вариант «Решить какую-то свою проблему». Это может говорить о том, что, оказываясь в трудной ситуации, они не способны самостоятельно обратиться за помощью к другим людям (чтобы организовать их себе на помощь), в лучшем случае могут рассчитывать на «случайную» помощь со стороны, в худ-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Могли бы вы сами стать таким общественником? Если да, то в какой ситуации?», в зависимости от уровня социального капитала, до 30 лет, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Не мог(ла) бы ни в какой ситуации	63	28	23	20	13
Мог(ла) бы в случае нарушения моих прав	0	24	21	27	48
Мог(ла) бы в случае нарушения прав окружающих	0	7	12	23	0
Мог(ла) бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	25	11	13	27	13
Другое (напишите)	0	1	2	0	0
Затрудняюсь ответить	13	36	38	22	26

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли вам за последние 12 месяцев становиться инициатором каких-либо коллективных действий, чтобы...», в зависимости от уровня социального капитала, до 30 лет, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Решить какую-то свою проблему	0	41	43	53	62
Решить проблему других людей	13	19	24	38	46
Реализовать какой-то свой замысел, инициативу, проект	13	17	18	27	33
Реализовать какой-то замысел, инициативу, проект других людей	13	15	14	25	29

шем – остаются со своими проблемами один на один. Вариант, что у них просто нет проблем, мы находим крайне маловероятным и поэтому не рассматриваем.

Взаимосвязь социального капитала и гражданского участия подтвердилась и относительно бескорыстного (безвозмездного) поведения (табл. 4). В этом случае анализ также показывает, что респонденты с высоким уровнем социального капитала чаще проявляют гражданское участие, причем результаты групп с минимальным и максимальным уровнем практически полностью противоположны. Первые предпринимали хоть какие-то действия в 1/4 случаев, в то время как последние в 3/4 (обратим внимание, что из оставшихся 26% в пятой группе не все говорят о том, что не делали ничего вообще, треть из них просто затруднились ответить).

Последнее, на что мы обратили внимание, изучая взаимосвязь социального капитала и гражданского участия, это участие молодых людей в формализованных/институциона-

лизированных формах общественной и политической жизни. Как упоминалось ранее, заметное участие они принимают только в выборах и коллективных мероприятиях по благоустройству территорий (субботниках). Все прочие формы участия в совокупности удостоились внимания менее 1/5 доли респондентов. Однако, распределив респондентов по группам в зависимости от уровня социального капитала, мы смогли выделить средний уровень их участия в рассматриваемых формах общественной и политической жизни (рис. 3). Получившийся график наглядно демонстрирует, как с возрастанием уровня социального капитала увеличивается доля молодых людей, принимающих участие в формализованных видах общественной деятельности. Если среди лиц с минимальным уровнем социального капитала таких чуть более 1/10, то в группе с максимальным уровнем социального капитала почти половина опрошенных проявляет подобную активность.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать за последний год для других людей (не членов семьи и не близких родственников)?», в зависимости от уровня социального капитала, до 30 лет, %

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Приходилось делать что-либо*	25	42	63	78	74
Ничего из перечисленного делать не приходилось	75	44	26	17	17
Затрудняюсь ответить	0	14	11	5	9

* Объемный вопрос, для удобства восприятия все предлагаемые альтернативы сведены в одну «Приходилось делать что-либо».

Полный список альтернатив:

- 1) эмоциональная поддержка, общение, житейский совет;
- 2) помогать вещами;
- 3) помогать деньгами (в долг без процентов);
- 4) оказывать бытовую помощь на дому, физическую помощь;
- 5) помогать продуктами;
- 6) помогать деньгами (безвозмездно);
- 7) участвовать в субботниках, мероприятиях по благоустройству среды проживания, заниматься посадкой деревьев, ремонтировать лавочки, детские площадки;
- 8) присматривать за чужими детьми или престарелыми;
- 9) давать профессиональные консультации, читать лекции, давать уроки;
- 10) участвовать в работе родительских комитетов;
- 11) участвовать в собрании жильцов дома, подъезда, улицы, ТОС;
- 12) участвовать в ремонте подъезда силами жильцов, дежурить на лестничных клетках;
- 13) помогать с обращением в органы власти (с жалобами, прошениями и т. д.);
- 14) оказывать помощь, сопровождать при передвижении лиц с ограниченными возможностями;
- 15) организовывать досуг;
- 16) доставлять на дом материальную помощь (продукты, одежду, медикаменты);
- 17) участвовать в организации мероприятий (досуговых и культурных, просветительских, оздоровительных, спортивных и др.);
- 18) собирать пожертвования и иные денежные средства для нуждающихся в помощи;
- 19) участвовать в ликвидации последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций;
- 20) раздавать/распределять материальную помощь;
- 21) работать в коллективных руководящих органах общественных (некоммерческих) организаций;
- 22) помогать сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (в приеме заявлений, телефонных звонков, в производстве рекламы, проведении опросов и т. д.).

Рис. 3. Количество участвующих в формализованных видах общественной деятельности (в среднем по видам деятельности), в зависимости от уровня социального капитала, до 30 лет, %

Заключение

Таким образом, наша гипотеза о связи социального капитала и гражданского участия получила подтверждение. В каждом рассматриваемом случае респонденты с большим уровнем социального капитала чаще проявляли гражданское участие, выраженное в отношении к общественной деятельности, готовности становиться инициатором коллективных действий, направленных на решение проблем и/или реализацию проектов и инициатив, участия в институционализированных формах общественной деятельности и готовности к безвозмездной помощи людям,

не входящим в число ближайших родственников. В результате мы можем заключить, что накопление социального капитала благодаря его связи с гражданским участием способно положительно повлиять на формирование гражданского общества. Принимая во внимание важность гражданского участия для построения гражданского общества, а также безусловную положительную роль социального капитала в жизни индивида и общества, мы считаем важным обозначить вопрос о формировании нового типа поведения молодежи, направленного на осознанное формирование социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке М.: Весь Мир, 2000. 560 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
4. Putnam D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. 122 p.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
6. Fukuyama Francis. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995. 457 p.
7. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital. In: Kreckel R. (ed.). *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Goettingen: Otto Schwartz & Co, 1983. Pp. 183–198.
8. Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815447>
9. Woolcock M. *Measuring Social Capital. An Integrated Questionnaire*. WorldBank working paper, 2003, no. 18. 61 p.
10. Brunie A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital. *Social science research*, 2009, vol. 38, no. 2, p. 252.
11. Ostrom E. Collective action and the evolution of social norms. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, vol. 14, no. 3, pp. 137–158.
12. Knack S., Keefer Ph. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288.
13. Dufur M.J., Hoffmann J.P., Braudt D.B., Parcel T.L., Spence K.R. Examining the effects of family and school social capital on delinquent behavior. *Deviant Behavior*, 2015, vol. 36 (7), pp. 511–526. DOI: 10.1080/01639625.2014.944069
14. Jensen D.H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: Social capital and students' academic and professional identity formation. *Frontiers Psychology*, 2015, vol. 6 (126), pp. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00126
15. Игумнов О.А. Организационные эффекты социального капитала // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 203–216.
16. Полищук Е.А. Социальный капитал на рынке труда // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2020. № 4. С. 503–511.
17. Селина А.С., Чеджемов Г.А. Социальный капитал в России и его влияние на социальные проблемы // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. 2019. № 5 (3). С. 74–77.

18. Гужавина Т.А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // СНИСП. 2019. № 1 (25). С. 37–54.
19. Николовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полит. иссл. 2017. № 6. С. 43–60.
20. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
21. Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5
22. Уханова Ю.В. Гражданское участие регионального сообщества: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 16–27. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2
23. Зубок Ю.А. Рефлексия в саморегуляции социально-политических взаимодействий молодежи // Социология власти. 2012. № 2. С. 30–42.
24. Зубок Ю.А., Сорокин О.В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. 2010. № 4. С. 6–15.
25. Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105.
26. Практикум по социологии молодежи / Ю.Р. Вишневский [и др.]. М., 2000. 296 с.
27. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000. 512 с.
28. Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография / Т.А. Гужавина [и др.]. Череповец: ЧГУ, 2018. 220 с.
29. Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Ясников – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: troil_shinigami@mail.ru

Yasnikov N.N.

SOCIAL CAPITAL AND CIVIC PARTICIPATION OF YOUNG PEOPLE: THE CASE OF THE VOLOGDA OBLAST

Issues related to social capital have recently been increasingly raised by the scientific community. In this regard, studies of the connection of social capital with various areas of human and social life are becoming relevant. This article examines the phenomenon of civic participation and its connection to social capital. Based on the research of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, we study the young population of the Vologda Oblast under the age of 30. We have analyzed the structure of social capital of young people in the Vologda Oblast, studied the attitude of young people to persons engaged in social activities, as well as their willingness to participate in such activities. We also considered the experience of young people participation in collective action as an initiator, as well as the experience of providing gratuitous assistance to people other than close relatives, and the attitudes of the Vologda Oblast young people toward participation in formalized/institutionalized forms of public and political life. The work has found that civic participation and social capital are connected in a certain way; in all examined cases, people with a high level of social capital are more likely to show civic participation. The

article concludes by suggesting the importance of developing a new type of behavior among young people in which social capital will be accumulated in a purposeful way. This is justified both by the importance of social capital itself, and by its connection with civic participation which is a necessary attribute for the formation of civil society.

Social capital, civic participation, young people, Vologda Oblast.

REFERENCES

1. De Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Ves' Mir, 2000. 560 p.
2. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.
3. Coleman J. Social and human capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*=*Social Sciences and Contemporary World*, 2001, no. 3, pp. 121–139 (in Russian).
4. Putnam D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton, New Jersey, USA: Princeton University Press. 122 p.
5. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Trans. from eng. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p.
6. Fukuyama Francis. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Free Press, 1995. 457 p.
7. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital. In: *Kreckel R. (ed.). Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)*. Goettingen: Otto Schwartz & Co, 1983. Pp. 183–198.
8. Lin N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815447>
9. Woolcock M. *Measuring Social Capital. An Integrated Questionnaire*. WorldBank working paper, 2003, no. 18. 61 p.
10. Brunie A. Meaningful distinctions within a concept: Relational, collective and generalized social capital. *Social Science Research*, 2009, vol. 38, no. 2, p. 252.
11. Ostrom E. Collective action and the evolution of social norms. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, vol. 14, no. 3, pp. 137–158.
12. Knack S., Keefer Ph. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *Quarterly Journal of Economics*, 1997, vol. 112, no. 4, pp. 1251–1288.
13. Dufur M.J., Hoffmann J.P., Braudt D.B., Parcel T.L., Spence K.R. Examining the effects of family and school social capital on delinquent behavior. *Deviant Behavior*, 2015, vol. 36 (7), pp. 511–526. DOI: 10.1080/01639625.2014.944069
14. Jensen D.H., Jetten J. Bridging and bonding interactions in higher education: Social capital and students' academic and professional identity formation. *Frontiers Psychology*, 2015, vol. 6 (126), pp. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00126
15. Igumnov O.A. Organizational effects of social capital. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*=*Social and Humanitarian Knowledge*. 2021, no. 1, pp. 203–216 (in Russian).
16. Polishchuk E.A. Social capital in the labor market. *Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Ekonomika i pravo*=*Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Series*, 2020, no. 4, pp. 503–511 (in Russian).
17. Selina A.S., Chedzhemov G.A. Social capital in Russia and its impact on social problems. *Mezhdunar. zhurn. gumanit. i estestv. nauk*=*International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 5 (3), pp. 74–77 (in Russian).
18. Guzhavina T.A. Civic engagement as an externality of social capital. *SNiSP*=*Sociological Science and Social Practice*, 2019, no. 1 (25), pp. 37–54 (in Russian).
19. Nikolovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and actual trends of development. *Polit. Issl.*=*Polis. Political Studies*, 2017, no. 6, pp. 43–60 (in Russian).
20. Ukhanova Y.V. Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problemy razvitiya territorii*=*Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5 (in Russian).
21. Ukhanova Y.V. Participation as an element of democracy in the Russian society. *Sotsial'noe prostranstvo*=*Social area*, 2018, no 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5 (in Russian).

22. Ukhanova Y.V. Civil participation on regional community: gender dimension. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 2019, no. 1, pp. 16–27. DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2 (in Russian).
23. Zubok Yu.A. Reflection in the self-regulation of socio-political interactions of young people. *Sotsiologiya vlasti=Sociology of power*, 2012, no. 2, pp. 30–42 (in Russian).
24. Zubok Yu.A., Sorokin O.V. The formation of the political consciousness of the Russian youth and the contradictions that determine it. *Sotsiologiya vlasti=Sociology of power*, 2010, no. 4, pp. 6–15 (in Russian).
25. Zubok Yu.A., Berezutskii Yu.V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii=Power and Administration in the East of Russia*, 2020, no. 2 (91), pp. 89–105 (in Russian).
26. Vishnevskii Yu.R. et al. *Praktikum po sotsiologii molodezhi* [Practical Course on the Sociology of Youth]. Moscow, 2000. 296 p.
27. Lisovskii V.T. *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [Spiritual World and Value Orientations of Russian Youth]. Saint-Petersburg, 2000. 512 p.
28. Guzhavina T.A. et al. *Regional'nyi sotsial'nyi kapital v usloviyakh krizisa: monografiya* [Regional Social Capital in a Crisis: Monograph.]. Cherepovets: ChSU, 2018. 220 p.
29. Guzhavina T.A. Non-Material Resources of Adaptation of the Population in the Context of Crisis. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2018, no. 3 (95), pp. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai N. Yasnikov – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: troil_shinigami@mail.ru